

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой...

Ф. ТЮТЧЕВ.

Стоит,
овеян славою мировую,
Среди Москвы,
но будто над Москвою —
Дворец чудес, волшебный тот чертог,
Тот храм искусства, где бессмертный гений
Дарит нам все богатства наслаждений —
Чудесных танцев, музыкальных строк.

Квадрига Клодта рвется вдаль с фронтона
И все-таки не покидает старт,
Венчая то, что все мы восхищенно,
Почтительно зовем:

«Большой театр».

Квадрига всем порывом в дали мчится,
Топча заботы, будни прочь гоня...
К могучей тройке — гоголевской птице —
Здесь припрягли четвертого коня.
С другими в ряд

он рвется через грани —
Четвертый конь... Народ его создал
Из лучших струн... Грузинский ли Мерани?
Тулпар?... Иль, может статься, Аранзал?..

В грядущее стремится колесница,
По времени, как по пространству, мчась.
Во весь опор

четверка эта — птица

Летит...
и с миром множит нашу связь,
Большой театр!..

Везде...

Будь это — Вена

Иль Токио...

Будь Лиссабон,

Париж...

Везде меня встречала неизменно
Афиша, что роднее всех афиш.

Везде он был — мечтанья воплотивший,
Соединивший «завтра» и «вчера»
Большой театр, сияя на афише
Эмблемой Мира, символом Добра.
«Большой театр»!

Читаю это имя
И тут же отзываюсь всей душой...
«Большой». Как будто — что

переводимей?..

Ведь есть у всех понятие — «большой»...
И все же в Дели, среди чужой природы,
Дивясь, я прочитал невдалеке:
«Большой театр»...

Вот так — без перевода,
Так прямо — как на русском языке!
И я невольно замер, озадачен:
Что стоило перевести сполна?!
Нет, видно, был бы некий смысл утрачен,
Померкла б краска важная одна!

Должно быть, в паузе между двумя словами
Он притаился — чуть заметный луч,
Сердца обогревающее пламя,
К новейшему миропознанию ключ.
В короткой паузе, разъединившей эти
Два слова — там оно наверняка
Наметилось и зреет слово третье,
Не всем еще понятное пока...

«Большой театр»! — я говорю...

И снова

В любое время предо мной встает
Московский ранний, розово-лиловый,
Неповторимо-сладостный восход.

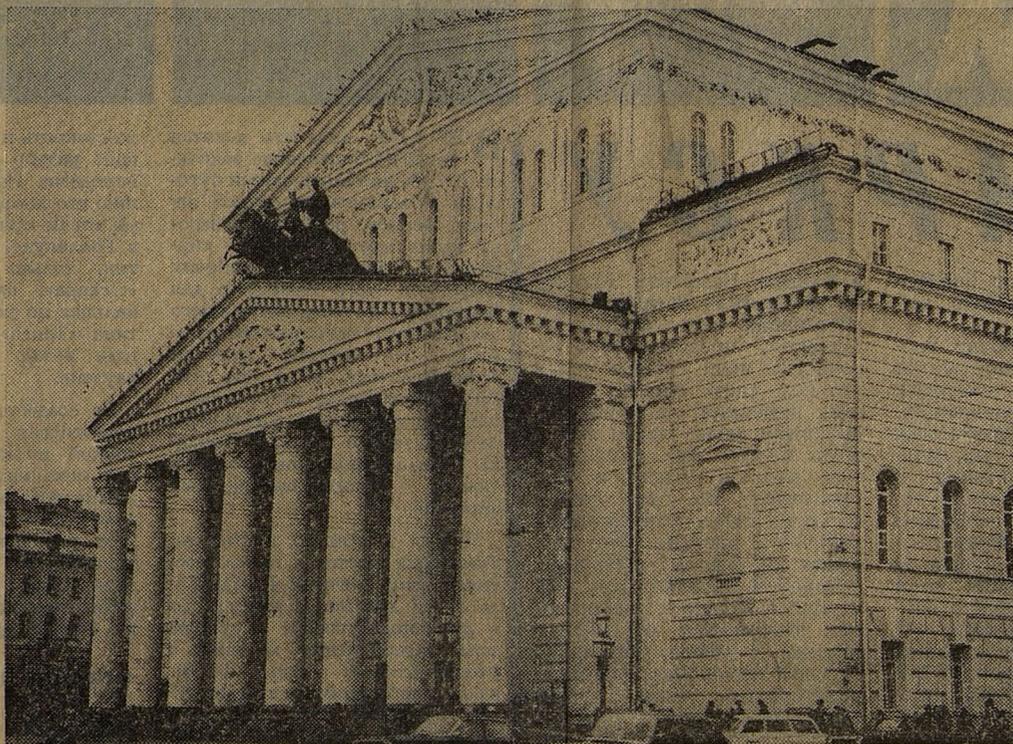
Встает, звучит...

Да нет, не предо мною!
Струенье бледно-розовой зари
Мелодию, музыкой цветною
В груди моей вскипает изнутри...
Просцениум я вижу и кулисы...
Гремит оркестр, под стать колоколам...
Вот я — в Кремле...

В Кремле царя Бориса...

Ступени вижу, Вижу старый храм...
Поет Козловский...

А ко мне, раздвоюсь,

Давид КУГУЛЬТИНОВ

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Доходит голос, точно из дали...
Николка это?..

Или это — совесть,

Недремлющая совесть всей Земли?..
«Копеечку подайте!» —

просит нищий.

Юрдовый... Ошметок бытия...
О хлебе молит? О духовной пище?..
Николка это?..

Или, может, я?

Да, я! Я, не умеющий молиться,
Молюсь... И руки у груди сложил...
(И в те века одна моя частица
Жила уже... Иначе б я не жил!)
Да, это я, прижав к груди ладони,
Взываю к богу — немощен и слаб,
Молю, согнувшись нищенски в поклоне:

«Подайте мне копейку хотя б!
Подайте мне хоть малую толику,
Хоть этим искупите смертный грех!
Хоть кроху дайте красоты великой!
Не для себя прошу!.. Для всех! Для всех!»

А рядом тот, кто высшего предела
Достиг, — тот царь, чья совесть нечиста...
Что жалче?..

Нищего нагое тело?

Иль совести ущербной нагота?..

Душа царя видна — как на рентгене...
О совесть, совесть!.. Нет жесточе мук!..
Козловский ли поет сейчас на сцене?..
Иль мировая боль открылась вдруг?..

Храм исчезает... Проплывают мимо
Палаты Годунова... Древний век...
Что там на небе?..

Призрак Хиросимы?

Там гриб кошмарный движется на всех!
И голос нищего исходит плачем
Пронзая сердце жалостью насквозь...
Куда бежать?..

Куда детей мы спрячем?

Тут светопредставленья началось!
Николка молит:

— Смилуйся, царь Ирод!

Свой смертоносный придержи огонь!
Детей не обижай! Не мучай сирот!..
Нежнейших горлышек лучом не тронь!
Росточки жизни так нежны, так хлипки!..
Так трепетны чуть начатые дни!..
Николка стонет, вторя стонам скрипки:
— О Боже!.. Беззащитных охрани!

Но что он может — жалкий одиночка,
Бедняк, что только жалостью богат?!
Он вьется над детьми, как будто квочка,
Прикрывшая от коршуна цыплят...
В его бессильной просьбе мало голку...
Господь от бомбы никого не спас!..
И все ж не бойся!

Встань с колен, Николка!

Весь мир — за нас!
Большой театр — за нас!

...А мы пройдем в партер... Напором воли
Бег времени направим мы назад
Хоть на короткий срок...

Не для того ли,

Чтоб на нее еще раз бросить взгляд?

Все пурпурно-золотые переливы
Колышет занавес... А что за ним —
Сейчас посмотрим мы нетерпеливо
И красотою душу уследим,
Искусством радостным ульемся снова,
Доверчиво открыв свой жадный слух —
Для музыки одной... А не для слова!

Ведь слово может быть в обличьях двух:
Правдиво слово, но подчас и ложно,
Есть у него лицо, но есть — испод...
Оно, как транспорт железнодорожный,
Бок о бок бомбы и детей везет...

А нас сейчас ждет только наслажденье,
Пред нами — чистой радости исток...
Ведь в мире, кроме слова, есть движение:
Язык послушных рук и гибких ног...
О счастье!.. О седьмое чудо света!
Мир бессловесных сказок и поэм —
Искусство жеста, пластики, балета,

Понятное без перевода всем!
Возникшее неведомо откуда
(Из царства сказок, может, к нам пришло?)
Ничем не омрачено это чудо —
Оно и смерть воссоздает светло!

Слив музыку и краски воедино,
Одoleвая светом силы Зла
Она восходит... Вот она —

Галина

Сергеевна Уланова

взошла!

Как всходит солнце...

Магией таланта

В любовь и музыку превращена,

Легка, как пух, ступая на пуанты,
Сердца возносит к небесам она,
Духовностью одoleвает страхи,
Любые происки нечистых сил...
О эти руки!.. Рук волшебных взмахи!
О трепетанье лебединых крыл!

У скептика — и то — возникнет вера,
Что Красота не блекнет никогда,
Что у Прекрасного — иная мера,
Что эта мера — Вечность, не года!

Рассудок замер, отступая, млея...
К чему все ухищрения ума,
Когда кружится сказочная фея,
Вся, вся — любовь, вся музыка — сама?!

И зритель, устремясь за ней высоко
Во весь порыв разбуженной мечты,
Вдруг осознает пушкинскую строку:
Вот, вот он — «гений чистой красоты!»

Да, если б в этот миг меня спросили:
— Какой он с виду, где его найти? —
Ответ бы отыскал я без усилий:
— В Большом театре!.. Здесь он — во плоти.

Не он ли сказочной своею властью
Здесь управляет Мудростью, Добром
И говорит, что истинное счастье
Ты можешь отыскать в себе самом?..

Он учит побеждать невзгоды духом,
Велит предвидеть Правды торжество,
Прекрасное

дает услышать слухом,
Увидеть зреньем
светлый лик его!

Равно понятный молодым и старым
Всех, всех, каков бы ни был их язык
Он оделяет драгоценным даром,
Театр Большой, ведь он и впрямь велик!

Всех зрителей высокой метой метая,
Не убавляет он своих щедрот...
Покамест есть Большой театр на свете,
Мы знаем, что Грядущее

грядет!

Что Милосердие, как жизнь, могуче,
Что сгинет Злоба, Жизнью проклята,
Что разойдутся грозные тучи,
Что мир спасут Любовь и Красота!

«Большой театр»! Твержу, как заклинанье,
Склоняясь благодарно пред тобой,
Блистательное словосочетанье,
Подаренное нам самой судьбой!
В тебя вошли все лучшие частицы
Людской души...

Здесь — радости залог.

Стремись в дали ты,
как колесница,
Которой правит Человек, — не бог!

Грядущее с тобою прочно слито...
Высокогорной свежестью дыша,
Взлетает к небу,
красотой омыта,
Свободой окрыленная душа.

Перевела с калмыцкого
Юлия НЕЙМАН.